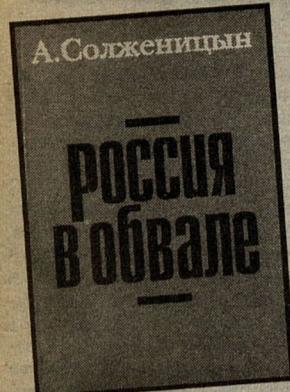

Мутное время

Александр Солженицын.
Россия в обвале. — М.:
Русский путь, 1998. — 208 с.

Эта книга еще не вышла

«...Как могла такая огромная Россия так внезапно ослабнуть, опасть духом и телом и начать стремительный саморазвал — не испытав ни крупного военного поражения, ни сокрушительной революции и гражданской войны, ни массового голода, ни эпидемии, ни стихийных бедствий... Поражает именно быстрая падение и несопротивляемость национального инстинкта государственного существования. (Курсив наш. — Ред.)

Земная история, может быть, не знает другого такого самоубийственного поведения этноса».

Вот, кажется, тема и лейтмотив новой книги Александра Исаевича Солженицына, публицистической книги о нынешней России. Тираж ее выходит из типографии на днях. «Новая газета» публикует сегодня две из тридцати шести глав. Главы выбраны автором. Мы благодарны ему.

Солженицын снова дал нам возможность УВАЖАТЬ нечто живое, только что явившееся на свет, сегодняшнее и здешнее. А все, на чем можно нынче УПРАЖНЯТЬ И ВОСКРЕШАТЬ способность к глубокому уважению здешнего и сегодняшнего, — есть первого ряда ценность.

Набирались главы по сигнальному экземпляру издательства «Русский путь» московского представительства ИМКА-пресс.

Экземпляр выйдет в свет 5 (пять) тысяч.

Когда большие надежды сорвались в тяжелые времена, наступила странная пора. Вдруг ПЕРЕСТАЛО быть видно далеко (особенно — в российском, ближнем, времени и пространстве). Не найти сознания, несущие конструкции которого, выдерживали бы ВЕСЬ груз произошедшего и происходящего, в вопиющей его разнородности... Странная пора, когда (от усталости тоже) притупился инстинкт выживания. И заменила его тяжелая одурь оцепенения.

«...51% «Уралмаша» получает одно лицо, а другое покупает 210 млн акций Газпрома по десятку обесцененных рублей...»

«Национальное производство в безучастных руках упало вдвое (во время войны с Италией упало только на четверть); ... с 1990 года в России не построено ни одного крупного промышленного предприятия».

«...По жесткому требованию МВФ мы сняли таможенные пошлины на вывоз наших нефти и газа... и взамен этих огромных бюджетных потерь ждем от МВФ очередной крохотной подачки...»

«В 1993—1994 годах создалася и существовал «Союз русских беженцев», но от русских не дождалась поддержки. Ослаб и рухнул».

«...Пережили эту безвольную, никак не оспоренную, ни

малейше опротестованную, по дряблости нашей тогдашней дипломатии, в 24 часа отдачу Крыма...»

«Начиная с 1993 перевес смертности русских над рождаемостью достигает МИЛЛИОНА В ГОД. Годовая убыль — как если бы в России бушевала гражданская война. Такое падение населения не происходило НИГДЕ в мире после Второй Мировой войны».

«Самое поразительное, самое страшное в книге: Солженицын здесь пишет о том, что в общем-то знают все. Знают — и сверх, столь же непереносимое, сколь уже и привычное. Но какие-то не видимые миру горы взорваны вокруг нас, или же внутри нас самих. Отсутствует эхо стыда, сострадания, ужаса.

«Чем загородиться...? Какими остатками великодушия? живого сочувствия к чужой беде (когда и сам там)? готовности идти на помощь (когда и самому худо за край)...» — прежняя, давняя, публицистика Солженицына была много требовательней к русскому читателю, жестче, звонче, плаченней...

А теперь — так.

И здесь же, тем не менее, — главы об общенациональном позоре беженства, бесчувственности и безответственности «седого большинства». И диагноз: «Мы утеряли чувство единого народа».

Много цитат из писем, записей — из поездок по России последних лет. Самый точный, самый глубокий голос звучит из хора, из читательского письма: «Страшно, что Россия — что-то другое, не то, что мы себе напридумали».

Когда читаешь иные страницы, кажется: страшно и автору...

И вот — именно от этого, от слов «Сохранимся ли мы физически-государственно или нет...», написанных рукой А. И. Солженицына, — просыпаешься. Собираешься, фокусируешься душевно: то есть как это — «...или нет»?! Начинаешь лихорадочно составлять списки прав, свобод и вообще благодеяний, реестры живого, осмыслиенного, вызванного и возвращенного к жизни этой же эпохой. Говорить твердым голосом себе: это все не сумерки смысла, а хмурое его утро. Прикидывать: Смутное время длилось дольше, было голодней, кровопролитней, клятвопреступней и позорней. И те времена казались последними. Но не были ими.

Будем стоять на том, что последних времен не бывает. В книге А. И. Солженицына «Россия в обвале» найдем подтверждение тому:

«Ощутить каждому, что ты — не щелка, что ты можешь повлиять на идущее... Только МЫ САМИ, если имеем волю не сгинуть с планеты вовсе (это — грозит), должны своими силами подняться из нынешнего гибельного прозябанья. Изменить само поведение наше: усталое безразличие к своей судьбе.

«...Требовательная современность (от которой мы все отстаем и отстаем) диктует нам не просто задачу возрождения растерянных ценностей, но куда более сложную задачу построения новой России, еще никогда не бывавшей». (Курсив наш. — Ред.)

И, даст Бог, она, Россия, есть все-таки не то, «что мы себе напридумали»... Не то, что видим, читаем, слышим и в душевном окостенении делаем и не делаем — в годы обвала.

● Елена ДЬЯКОВА

Наше национальное сознание впало в летаргию

Александр СОЛЖЕНИЦЫН

НОВАЯ ГАЗЕТА
№ 21 (493)
1 — 7 июня 1998 г.

7

Александр СОЛЖЕНИЦЫН

Новая Россия не поставила себя как родину

Эти главы из книги «Россия в обвале» «Новой газете» предоставил автор

Патриотизм

Существует, вероятно, немало определений патриотизма. Я все же предложу здесь свое, при моем возврате в Россию неоднократно повторенное на общественных встречах по многим областям и везде всегда принятное с пониманием: «Патриотизм — это цельное и настойчивое чувство любви к своей родине, с готовностью жертвовать ей, делить невзгоды, но со служением не уголовным, не поддержкою несправедливых притязаний, а откровенным в оценке ее пороков, грехов и в раскаянии за них».

Патриотизм — чувство органическое, естественное, оно не требует никаких оправданий, обоснований, а всякие к нему приставки («социал-патриотизм», левая и ленинская брань; «национал-патриотизм», нынешняя брань) суть либо непонимание, либо намеренная издевка. Когда-то П. Вяземский приставил эпитет «кавказской патриотизм», очень полюбившийся российским либеральным кругом. А скажалось здесь его аристократическое высокомерие к бесхитростной, пропитанной бытом любви простонародья к своей стране.

Это — у нас модно: травить патриотизм сдача ли не рядом с «фашизмом». А вот в Соединенных Штатах патриотизм стоит высоко. Не только никто его не стыдится, но Америка дышит своим патриотизмом, гордится им — и разные народные группы сливаются в нем едином. В каждом американском школьном классе висит национальный флаг, и во многих школах произносят слова верности ему.

Патриотизм — достояние многих стран, в том числе всех европейских, патриотизм — начало, объединяющее народ и никак не

отделяющее от человечества. Другое дело, что, как всякое человеческое чувство, он может подвергаться отклонениям, искажениям.

Да подобно же тому, как и сегодняшнее в мире понятие «свободы» — даже особенно в сотрясенной всеми «шоками» России — взнесено до полного забвения обыванностью человека и до свободы от всякой ответственности. А между тем мы только до той грани человеческих существа, пока постоянно чувствуем на себе, над

собою — наш долг.

И как не может сохранить

общество, где не усвоено ответственность гражданская,

так не существовать и стране

— особенно многонациональной,

— где потеряна ответственность общегосударственная.

Страна многонациональная в трудные моменты своей истории должна иметь опору в поддержке и одушевлении **всех** своих граждан. Каждая нация должна иметь убежденность, что единая защита общих интересов государства — жизненно нужна также и ей.

Такого государственного патриотизма в сегодняшней России нет и в помине. Помимо усиленного поощрения патриотизмов отдельных автономий — здесь и общее влияние хаоса, и совершенно недостойное поведение государственных властей, которые морально низко уронили себя в глазах всего населения страны. Один офицер на встрече в Ярославле сказал: «Новая Россия не поставила себя как родину».

Однако, и приняв понятие **гражданского патриотизма**, нельзя упустить патриотизма **национального**. В странах однородных тот и другой — единины суть. В странах многонациональных, как наша, национальный патриотизм есть составная и подкрепляющая часть общегражданского — и

горе тому государству, где эти патриотизмы разошлись. К национальному патриотизму применимы те же характеристики, что приведены выше: готовность делить невзгоды, жертвовать, неугодливость службы. И так же естественно и неукоримо — сознание единства со своим народом.

Любовь к своему народу так же природна, как и любовь к своей семье. В этой любви никто не может быть укоренен, но лишь уважен. Как бы ни был круговорот и разбросчин современный мир — но ведь свою семью мы силимся сохранить и мерим особо меркой, пронизанной внутренним пониманием. А нация — это тоже семья, только следующего уровня и объема; и ее тоже скрепляют неповторимые внутренние связи — общий язык, общая культурная традиция, воспоминание об общей истории и задачах ее на будущее. И почему же самосохранение нации грехово?

Тут многие меньшие и малые нации нашей страны — ныне патриотизмом своим, несомненно, явно превосходящим русских. Их национальное чувство — стойкое. А наше? А наше — истоптано, изорвано в клочья. Короткое время войны с Германией русский патриотизм был разрешен, возвышен, прославлен — а затем, по использованию, задвинут и снова превращен в пугало.

Я говорю тут — о русском патриотизме чистом, любовном, строительном; не о крайнем националистическом переклоне («только наша гордость», «только наша вера!»), не о взнесении своей национальности выше мыслимых духовных вершин, выше нашего смириения перед Небом. И, разумеется, не назовем «русским патриотизмом» тот, который заключает малодушный союз со своими уничтожителями-коммунистами.

Не напрямую, не указом запрещен русский патриотизм — но близко около этого, поч-

ти. Немалые силы — и внутри страны, и вне ее — направлены к тому, чтобы нас, русских, обезличить.

А мы? А мы — и поддались. Под лавиной нашего поражения в XX веке — опала наша воля защитить свой облик, свою особость, духовную органичность. Мы в упадке нашем много-много виноваты сами.

Вспомним Гоголя: «Великое незнание России посреди России». И вспомним Ивана Аксакова (речь о Пушкине): «Не в том ли вся сумма наших бед и зол, что так слабо в нас во всех, и в аристократах, и в демократах, русское историческое сознание, так мертвенно историческое чувство!»

Тяжкое всего — отсутствие у нынешних русских людей слабого и отроду сознания своего единства. Сегодня, когда и большинство народов России в бедствии, — многие из них крепятся своим объединенностью и усилиями местного устройства. А русский народ — в наихудшем положении, ибо в цепи наших потерян мы утеряли связующую, спасительную цепочку друг с другом, а с ней — и сознание своего места в стране.

Наше национальное сознание впало в летаргию. Мы еле-еле живы: между глухим беспамятством позади и грозно маячящим исчезновением впереди.

Мы — в национальном обмороке.

Когда во всем мире растут настойчивые национализмы — обморок нашего национального сознания отнимает у нас и жизненную силу, и даже инстинкт самосохранения.

С горькой горечью опасаюсь, что после всего пережитого и при ныне переживаемом — участь уклона, упадка, слабления все более угрожает народу русскому.

Причины или силовые поля, направляющие нас к этому упадку, — они сплетаются в удавку на наших глазах, вчера и сегодня, но и тянутся из нашего далекого прошлого.

86.06.98

Солженицын
Александр

190